

УДК 81-112

DOI: 10.17223/19986645/45/4

Л.П. Дронова, В.А. Берлан

СИНКРЕТСЕМИЯ И ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ

*В статье анализируется явление синкретсемии как выражение формами одного слова (одной лексемой) семантического отношения нескольких генетически связанных и сосуществующих значений. Это явление в основном рассматривалось историками языка на древнерусском материале. В данном случае обращения к диалектным фактам и фактам истории русского языка оказалось недостаточно вследствие того, что анализируемые словообразовательно-этимологические гнезда звукоподражательного характера сформировались на более глубоком историческом уровне, и только привлечение фактов других славянских языков прояснило сложившуюся картину формально-семантических отношений и разнонаправленности семантических изменений производных от *дрязг-/дрезг-/друзг-* и их соответствий в других славянских языках.*

Ключевые слова: *синкретсемия, звукоподражания, историческая лексикология, славянские языки.*

Понятие «синкретизм» широко известно применительно к характеристике начальных стадий человеческой культуры и рассматривается как следствие нерасчлененности (синкретичности) чувственного созерцания и логической деятельности мышления человека (Афанасьев, 1865; Веселовский 1913; Потеня, 1968; Леви-Брюль, 1994; Гуревич, 1990 и др.). В.Н. Веселовский, отмечая объективную природу нерасчлененности мировосприятия человека, писал: «...физиологическим синкретизмом и ассоциацией наших чувственных восприятий <...> мы постоянно воспринимаем впечатления слитного характера, природа которых раскрывается нам случайно или при научном наблюдении» [1. С. 63–65].

Проблема семантической синкретичности, понимаемой как свойственная древним языковым периодам нерасчлененность значений, была актуализирована в 1970-е гг. в работах лингвистов ленинградской/петербургской школы – в трудах В.В. Колесова, его соратников и учеников (В.В. Колесов, 1976, 1984, 1986, 1992, 1995; В.Н. Калиновская, 1986; З.М. Петрова, 1986; О.А. Черепанова, 1993; М.В. Пименова, 1994 и др.). В.В. Колесов так определяет явление синкретизма: «Синкретизм, понимаемый как «нерасчлененность», свойствен мифологическому сознанию, представляющему «вещь» как целостность со всеми ее атрибутами и функциями, включая также и «имя» вещи как ее сущность» [2. С. 145]. Исследование явления синкретсемии, ее разрешения проводилось преимущественно на материале древнерусских текстов. В исторической перспективе семантический синкретизм находит свое разрешение (разрушение), с одной стороны, в многозначности слова и активизации образования синонимических средств, с другой стороны, в словообразовании – в расширении ряда производных лексических единиц, за которыми постепенно закрепляется тот или иной компонент первоначально диффузного значения

(Л.П. Якубинский, 1953; Б.А. Ларин, 1975; Е.С. Кубрякова, 1978; В.В. Колесов, 1984, 1985 и др.). Так, например, исследование прилагательных, выражающих общую положительную и отрицательную оценку (Н.Г. Михайловская, 1980; М.В. Пименова, 1994, 1997), приводит к выводу, что начиная с XVII в. происходит расчленение синкретизма общеоценочного значения на уровне понятия, дифференциация частнооценочных значений (этической, эстетической, прагматической и др.) вследствие того, что начинает осознаваться ценностное различие разных сфер жизни человека.

Относительно синкретсемии прилагательных общей положительной и отрицательной оценки хотелось бы отметить один момент: как показывает более глубокий диахронический анализ, в данном случае мы имеем дело не столько с исходной синкретсемией (на уровне этимона), сколько с обобщающей функцией общеоценочных прилагательных, выражающих понятие «хороший» и «плохой» [3. С. 113–117]. Нам ближе точка зрения О.Н. Трубачева, полагающего, что «явление семантического синкретизма должно изучаться не как нечто раз и навсегда преодоленное языком и предполагаемое по большей части для праязыковых эпох, да и то на уровне гипотезы, а как характерная особенность словаря» [4. С. 68].

В данной статье мы хотим поддержать наблюдения петербургских коллег относительно того, что особенностью эволюции синкретсемии является ее «нелинейный» характер, что она «не является чисто механическим процессом, при котором новый этап наступает только после абсолютного завершения предшествующего. В каждый период развития языка разнообразные семасиологические категории (сигнификативная синкретсемия – совр. энантиосемия, гиперонимия; полисемия, омонимия, моносемия; структурно-синтагматическая синкретсемия – совр. фразеология) сосуществуют» [5. С. 10]. Материалом для достижения данной цели выбрано разрешение синкретсемии в ряде словообразовательных гнезд звукоподражательного происхождения.

В русском литературном языке известно слово *дрязги* (разг.) в значении ‘мелкие ссоры, пререкания’ и *дрязга* (прост., устар.) ‘сплетня, наговоры’, в словарях также отмечается как «прост., обл.» грамматически отличающаяся лексема *дрязг* в значении ‘мусор, отбросы; хлам’ [6. С. 807; 7. С. 405]. Формально-семантические отношения этих единиц языка вопросов не вызывают. Дialectы русского языка не знают слова *дрязги* и *дрязга* в значении ‘сплетня, наговоры’, как в литературном языке, но в диалектах это может быть обозначением человека, склонного к дразгам, черт его характера, действий: *дрязга* (перм., яросл., нижегор., тамб., пенз., волог.), *дрезга* (тамб.), *дрязгуша*, *дрезгуша*, *дрязгун*, *дрезгун* (тамб., нижегор.) ‘вздорный, сварливый человек, задир’, *дрязгий*, *дрязгливый* (ср.-урал.) ‘вздорный, сварливый, сплетник’, *дрязжать* (пошех. яросл.), *дрезжать* (пск.) ‘брюзжать, придирааться’, *дрязгунить* (Даль) ‘вздорить, придирааться, ворчать, брюзжать’. Известно диалектам и слово *дрязг* в значениях ‘сушняк, мелкий хворост, загложший в чаще леса’ (пенз.), ‘мелкие хозяйственные домашние вещи’ (ср.-урал.), ‘мусор, отбросы’ (яросл., волог., твер., свердл.) и т.п. [8. С. 228].

Употребление слова *дрязг* в диалектах характеризуется фонетической вариативностью, более широкой, чем вышеприведенное *дрязга/дрезга*: *дрязг*

(яросл., вологод., тверск., свердл.), *дрезг* (забайк.) и *друзг* (сев.-зап., Даль) ‘мусор’; *дрягз* (пенз., самар., казан., юго-зап.) и *друзг* (хакас.) ‘хворост, валежник, сушняк; бурелом’; *дрягза* (пенз.) и *друзга* (смол.) ‘сушняк, сухой лист’ [8. С. 228]. Требуется специальное объяснение не только незакономерного чередования гласных в корне, но также неясные в семантическом отношении диалектные употребления слова *дрягза/дрезга* в значении ‘песчаная, жидкая грязь’, ‘мокрый снег сверху’ (Даль), *дрягза* ‘лесистая болотистая местность’ (яросл.), *дрягза* ‘топь, трясина, болото’ (влад., яросл.), ‘песчаная жидкая грязь’ (калуж.), ‘мокрый снег, слякоть’ [8. С. 228]. Что это: исконная омонимия или распавшаяся полисемия? Если распавшаяся полисемия, то чем объясняется такая разнонаправленность семантических изменений?

Обращение к историческим словарям русского языка не помогает решить возникшие вопросы, поскольку в древнерусско-церковнославянских текстах представлен еще более широкий круг семантики в формально соответствующих современным лексемам образованиях: *дрѣзга* ‘лес’, ‘туман, мгла’ (XI–XIII вв.) и ‘обломок, осколок’ (XVII в.), *дрягзъ* ‘чаша, заросли’(?), ‘хворост, прутья, валежник’ (XVII в.), *дряждѣный (дряжсьный)* (XII в.) ‘лесистый, заросший лесом’, *дряжсьняя* ‘непроходимые места’ (XVI в.), *дрягзнути* ‘мять, жевать; жадно есть’ (XVI в. ~ XI в.) [9. С. 736; 10. С. 366–367]. Кроме того засвидетельствована лексема *дрѣзда* ‘лес’ и ‘грязь, болото, трясина’ [9. С. 737].

Картину формальных и семантических отношений в значительной части проясняют свидетельства других славянских языков. Рассматриваемые русские образования *дрягз/дрезг* и им подобные входят в этимологическое гнездо слав. **drězga* и его назализованный вариант **dręzga* [11. С. 111, 113]. Имеющимся в семантической структуре рус. *дрягз/дрезг*, *дрягза/дрезга* значениям ‘мусор, отбросы; мелкий хворост, валежник, сушняк’ и другим близким им значениям соответствует семантика образований от **drězga* в западнославянских языках – чеш. стар. *drězha*, диал. *drizha* ‘щепка’; польск. *drzazga*, диал. *drzezga* – ‘щепка, заноза, осколок’, словин. *drăuzgă* ‘щепка, заноза’. Для древнерусских *дрягзъ*, *дрѣзга*, *дрѣзда* в значении ‘лес’ имеются родственные лексемы в южнославянском ареале: болг. диал. *дрезга* ‘густое мелколесье’, макед. диал. *дрезги* ‘низкие лесные заросли’, с.-хорв. *drežga*, *drijeska* ‘водяное растение’ (<**drězga*), ст.-слав. *дрѣзга* ‘лес, кустарник’ (<**dręzga*) [11. С. 111, 113–114].

Для полноты картины семантических отношений в рассматриваемой славянской лексике следует учесть и глагольные образования: др.-рус. *дрягзнути* ‘мять, жевать; жадно есть’, русск. диал. *дрезгаться* ‘дергать, переступать ногами (о животном); брыкаться, лягаться’, с.-хорв. *дрезгати* ‘дрожать, стучать’; словен. *drēzgati* ‘мять, стискивать’, польск. диал. *dręzgać* ‘ломать, разбивать’ (<**dręzgati*), рус. диал. *дрезжать* ‘надоедать дребезжаньем’ (<**drěždžati*) и польск. диал. *dręzgi* ‘звон, бряцанье цепей’, ‘болтовня’ (<**dręzga*) [6. С. 111, 114]. Вряд ли можно согласиться с мнением Л.В. Куркиной, что первично в этом случае значение ‘лес’ (ср. выше примеры болг. диал., макед. диал., ст.-слав., др.-рус.) [12. С. 131]. Значительная часть отношений в этом семантическом поле славянских языков объясняется семантической филиацией ‘ломать(ся), издавая треск, шум’ → ‘обломок, мусор, мел-

кий хворост'. Такой вывод поддерживается и анализом дальнейших этимологических связей анализируемых словообразовательных гнезд: славянские *drězga, *dręzga по происхождению относятся к звукоподражательным (*drezg- < *dresk-) и входят в ряд подобных звукоподражательных производных с чередованием глухих/звонких от основ *tresk- *trosk-, *druzg (< *trusk) [10. С. 133–134]. Производные этих основ известны и в русском, и в других славянских языках: рус. *треск*, *трещать*, рус.-цслав. *троска* 'молния' (XI в.), польск. *trokot* 'треск', чеш. *troska* 'обломок, отход', рус. диал. *труска* 'треск, хруст, хворост', др.рус. *трускъ* 'треск', рус. *трусоба*, пск. *треска* 'щепа, заноза', 'древесные осколки', укр. *тріска* 'тж', с.-хорв. *друзгати* 'давить, мять, размельчать', словен. *drūzgati* 'раздавливать, размельчать что-либо мягкое', чеш. *druzgati* 'дробить, размельчать', диал. *drúzgat* 'ломать хвоей', словц. *drúzgati* – 'ломать(ся) с хрустом, треском', блр. *друзгаць* – 'разбивать', польск. стар. *druzga* – 'осколки, куски, обломки'. Таким образом, семантическое развитие и именных, и глагольных образований рассматриваемых звукоподражательных основ идет по метонимическому типу от обозначения резкого звука (треск, шум) при ходьбе человека ('ломать(ся), издавая треск, шум') к обозначению того, что легко (под ногами человека) ломается с треском и шумом (валежник, хворост, тонкие сучья), того, что получается в результате (обломки, осколки, щепки), того, где имеются эти ломки при ходьбе человека предметы (лес, чаща). Физиологическим основанием восприятия в данном случае будет синкретичная зрительно-слуховая перцепция.

Похожее направление развития семантики отмечается и по данным других родственных языков, ср. лит. *treškėti* 'трещать, щелкать', *traškà* 'ломкость', *druzgėti* – 'распадаться на мелкие части', ср.-ирл. *drēsact* – 'шум, треск' и др. [13. С. 99–100, 110, 112; 11. С. 111, 133].

Относительно звукоподражательной природы производных праслав. *tresk- *trosk- есть и другое мнение: «...целый ряд праславянских и славянских глаголов, для которых обычно предполагается звукоподражательное происхождение, скорее имели изначально (во всяком случае, на индоевропейском уровне) знаменательные корни или основы. Таковы праслав. *trěskati 'трещать, пристально смотреть' (вместе с *torščiti > рус. *торошиться*, *таращить(ся)*, *тъгхати восходит к и.-е. *ter(e)- 'драть, обдирать'...» [14. С. 71]. Представляется, что одно другому не противоречит: в значении 'драть, обдирать' потенциально содержится указание на шум, треск как на то, что сопровождает действие (процесс) обдираания, и в ходе исторического развития семантики велика вероятность актуализации такой потенциальной семы. Чередования глухих и звонких согласных, незакономерные соотношения гласных в корне указывают на гнездо звукоподражательных образований, вероятно, более позднего праславянского, а не индоевропейского уровня.

Что касается семантики рус. диал. *дрязга* 'топь, трясина, болото' (влад., яросл.), 'песчаная жидкая грязь' (калуж.), 'мокрый снег, слякоть' и др.-рус. *дрѣзда* 'грязь, болото, трясина', 'лес', *дрѣзга* 'туман, мгла', то, вероятно, она также мотивирована звукоподражательностью, учитывая, что движение по топкому месту, болоту сопровождается резкими, «чавкающими» звуками (ср. словен. *drēzgati* 'мять, стискивать', *дрязгаться* 'пачкаться, грязниться, дрыз-

гаться'). Это предположение находит поддержку в принципах номинации болот в балтийских языках (ср. литов. *marmalūnė* 'вязкое болото', 'шум, гвалт', 'непорядок сумятица', *marmalūnas* 'большая грязь' и *maĩmalas* 'болотун' при ономотопеическом *murmėti* 'бормотать, ворчать' и др. [15. С. 169, 180]. В ареал данной модели номинации следует, видимо, включить и словен. *drežgalica*, *drozgalica* 'трясина' [12. С. 131]. Смежность значений 'лес', 'лесистая болотистая местность', 'трясина, болото' широко отражена на уровне семантической модели именно в восточнославянских и балтийских языках (ср. рус. смол. *болото*, блр. *балота* 'болото' и 'лес', *пушча* 'большой густой непроходимый лес', 'непроходимое болото' и лит. *lieknas* 'болотистый лесок' и др.) [16. С. 144–164; 17. С. 71–77; 15. С. 175]. Появление в древнерусском у лексемы *дрѣзга* значения 'туман, мгла', далекого от 'лес' и 'грязь, болото, трясина', можно объяснить как метафорический перенос: от обозначения болота, трясины через их характерный признак '(нечто) зыбкое, колеблющееся' к обозначению тумана. В данном случае физиологическим субстратом восприятия будет слуховая, зрительная и тактильная перцепция.

Таким образом, развитие семантики рассмотренных звукоподражательных образований целостно (через звуковое, зрительное и тактильное восприятие) отразило ситуацию ходьбы человека по лесу, топкому месту, сопровождающейся резкими звуками (треском сухих сучьев, «чавканьем» жидкой грязи) и – как результат – появлением обломков (валежника), щепок. Дальнейшее развитие значения 'осколок, обломок' пошло через обобщение зоны референции – 'мелкие, ненужные вещи' и через метафорическое развитие – 'мелкие, ненужные ссоры'. Целостность ситуации в языковом представлении реализовалась серией метонимических и метафорических переносов, это и определило разнонаправленность развития семантики, представленную нередко в семантической структуре одного и того же слова (ср. др.-рус. *дрѣзга* 'лес', 'обломок, осколок' и 'туман, мгла', где, вероятно, значение 'туман, мгла' = 'нечто зыбкое, колеблющееся, подобно болоту, трясине').

Литература

1. Веселовский В.Н. Из истории эпитета // Собр. соч. СПб., 1913. Т. 1. С. 58–85.
2. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
3. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 256 с.
4. Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1976. С. 147–179.
5. Пименова М.В. Семантический синкретизм и синкретсемия в древнерусском языке. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 16 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1.
7. Большой академический словарь русского языка / глав. ред. К.С. Горбачевич. М.: Наука; СПб.: Наука, 2006. Т. 5. С. 405.
8. Словарь русских народных говоров / глав. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1972. Вып. 8.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М.: Знак, 2003. Т. 1.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1977. Вып. 4.
11. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1978. Вып. 5.
12. Куркина Л.В. Названия болот в славянских языках // Этимология 1967. М., 1969. С. 129–144.

13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1973. Т. 4.
14. Варбот Ж.Ж. Из семантического анализа в этимологии // Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 69–75.
15. Невская Л.Г. Балтийские названия болот в сопоставлении со славянскими (семасиологические наблюдения) // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1974. С. 155–182.
16. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969.
17. Мокиенко В.М. Семантические модели славянской топонимической терминологии: местные географические термины // Вопр. географии. 1970. № 81. С. 71–77.

SYNCRETSEMY AND ONOMATOPOEIC NOMINATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 70–76. DOI: 10.17223/19986645/45/4

Lyubov P. Dronova, Vlada A. Berlan, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lpdranova@mail.ru / berlan240895@gmail.com

Keywords: syncretsemy, onomatopoeia, historical lexicology, Slavic languages.

The problem of semantic syncretism understood as indivisibility of values characteristic of ancient linguistic periods was updated in the 1970s by linguists of the Leningrad / St. Petersburg School, in the works by V.V. Kolesov, his colleagues and students. In historical perspective, semantic syncretism finds its resolution (destruction), on the one hand, in the word's polysemy and active formation of synonyms; on the other hand, in word formation: in the growing number of derivatives of lexical units that gradually fix this or that component of the original diffusive meanings (L.P. Yakubinsky, B.A. Larin, E.S. Kubryakova, V.V. Kolesov et al.).

The method of analysis of syncretsemy resolution was basically developed by historians of language based on Old Russian material within historical lexicology. In this article the authors consider the case of syncretsemy resolution at a deeper historical level, using reconstruction on the material of cognate languages. This approach to syncretsemy analysis has been chosen, because in this case reference to dialectal facts and the facts of the history of the Russian language was insufficient: the analyzed derivational-etymological word families of onomatopoeic type were formed at a deeper historical level, and only of the use of the facts of other Slavic languages could clarify the picture of the formal semantic relations and diverse semantic changes of derivatives of derivational-etymological word family of Slavic *drězg-, *dręzg-, *druzg-.

The analysis has shown that the development of the semantics of the considered onomatopoeic formations holistically (through sound, visual and tactile perception) reflected the situation of man's walking in the woods, carr accompanied by sharp sounds (crackling of dry twigs, mud "champing") and, as a result, by the appearance of pieces of brushwood, chips. Further development of the meaning "splinter, chip" went through the generalization of the reference zone of "small, unnecessary things" and through metaphorical development: "small, unnecessary quarrels". The integrity of the situation in the linguistic representation was expressed in a series of metonymical and metaphorical transfers, which determined the different directions of the semantics development often represented in the semantic structure of the same word (cf. Old Rus. *drāzga* "forest", "chip, splinter", "fog, haze", where the meaning "fog, haze" derived from "something unsteady, staggering like a bog, morass").

References

1. Veselovskiy, V.N. (1913) Iz istorii epiteta [From the history of the epithet]. In: Veselovskiy, V.N. *Sobr. soch.* [Works]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk.
2. Kolesov, V.V. (2002) *Filosofiya russkogo slova* [Philosophy of the Russian word]. St. Petersburg: YuNA.
3. Dronova, L.P. (2006) *Stanovlenie i evolyutsiya modal'no-otsenочноy leksiki russkogo yazyka: etnolingvистический аспект* [Formation and evolution of the modal-evaluative lexicon of the Russian language: ethno-linguistic aspect]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Trubachev, O.N. (1976) Etimologicheskie issledovaniya i leksicheskaya semantika [Etymological research and lexical semantics]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and methods of semantic research]. Moscow: Nauka.

5. Pimenova, M.V. (2000) *Semanticheskiy sinkretizm i sinkretsemya v drevnerusskom yazyke* [Semantic syncretism and syncretsemy in the Old Russian language]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka: V chetyrekh tomakh* [Dictionary of Russian language: in four volumes]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
7. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2006) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 5. Moscow; St. Petersburg: Nauka.
8. Filin, F.P. (1972) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 8. Leningrad: Nauka.
9. Sreznevskiy, I.I. (2003) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka: v 3 tt.* [Materials for the dictionary of Old Russian language: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Znak.
10. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1977) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
11. Trubachev, O.N. (ed.) (1978) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
12. Kurkina, L.V. (1969) [Names of marshes in the Slavic languages]. *Etimologiya 1967* [Etymology 1967]. Proceedings of the International Symposium "Problems of Slavic Etymological Research in Connection with the General Problems of Modern Etymology". 24–31 January 1967. Moscow: Nauka. (In Russian).
13. Vasmer, M. (1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Vol. 4. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.
14. Varbot, J.J. (2012) Iz semanticheskogo analiza v etimologii [From semantic analysis in etymology]. In: Varbot, J.J. *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Research on Russian and Slavic etymology]. Translated from French. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
15. Nevskaya, L.G. (1974) Baltiyskie nazvaniya bolot v sopostavlenii so slavyanskimi (Semasiologicheskie nablyudeniya) [Baltic bog names in comparison with Slavic (semasiological observation)]. In: Sudnik, T.M. (ed.) *Balto-slavyanskije issledovaniya* [Balto-Slavic studies]. Moscow: Nauka.
16. Tolstoy, N.I. (1969) *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya. Semasiologicheskie etyudy* [Slavic geographical terminology. Semasiological studies]. Moscow: Nauka.
17. Mokienko, V.M. (1970) Semanticheskie modeli slavyanskoy tel'mograficheskoy terminologii: mestnye geograficheskie terminy [Semantic models of Slavic bog name terminology: local geographical terms]. *Voprosy geografii*. 81. pp. 71–77.